

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАКРИТИКИ В РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА-ГАЗЕТЫ «ГРАЖДАНИН»)**

© 2014

Г.И. Щербакова, доктор филологических наук, профессор кафедры «Журналистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: постреформенное общество; идейная борьба; пресса как отражение социальной дифференциации; медиакритика как форма идейной борьбы; жанры медиакритики.

Аннотация: В статье исследуется, как медиакритика применялась для позиционирования издания, только что вышедшего на информационное поле, как использовалась для оценки состояния современной журналистики, для выстраивания отношений с потенциальными союзниками и неприкрытыми противниками. Представлен важный эпизод идейно-политической борьбы в журналистике 1870-х гг. Журнальная критика, как предвестница медиакритики, затрагивала широкий круг проблем, волновавших русское пореформенное общество: от моральных до экономических. Предметом анализа данной статьи стали выступления по поводу русской прессы публицистов издания консервативного направления журнала-газеты «Гражданин», возглавляемого В.П. Мещерским.

В пореформенный период происходила поляризация общества по идейно-политическим вопросам, стали складываться общественные группы как предвестники будущих политических партий; между ними разгоралась острая борьба, нашедшая отражение в журнальных дискуссиях, продолжением которых стал разбор данных выступлений в медиакритике. Журнал-газета «Гражданин» выражал на своих страницах приверженность консервативной идеологии, главными ценностями которой были: государство, религия, сохранение национальной самобытности, сохранение ведущей роли дворянства, поддержание патриархальных устоев в семье, патриотическая направленность гуманитарного образования. Главным антагонистом «Гражданина» стал орган либеральной партии – газета А.А. Краевского «Голос», за которым стояла либерально-западническая фракция в правительстве. Тактика Мещерского по отношению к изданию весьма дипломатична, он не хочет раздувать прямую вражду между изданиями, но должен высказывать несогласие с теми утверждениями «Голоса», которые, по его мнению, вредят устойчивости России, поэтому Мещерский компенсирует замечания в адрес политической газеты «Голос» комплиментами в адрес литературного журнала «Отечественные записки», совладельцем которого наравне с Краевским был Н.А. Некрасов, что позволяло проводить более сбалансированную политику.

Развитие журналистики как средства информации и коммуникации, как сферы творческой деятельности сопровождалось профессиональной рефлексией о своих правах и обязанностях относительно власти, общества и цехового сообщества. Выработка норм деятельности происходила через осмысление опыта, своего и чужого, поэтому некоторые правила обсуждения публикаций в журнале зародились на самых ранних этапах развития журналистики, достаточно вспомнить «Рассуждения об обязанностях журналиста» М. Ломоносова. Постепенно расширялась система газет и журналов в России, множились редакторский опыт, появлялись разные способы общения с аудиторией, ее сегментирования, усиливалась конкуренция за внимание публики. Редакторы и журналисты все пристальнее вглядывались в практику СМИ, испытывали потребность в обсуждении профессионального опыта. Так появились первые отзывы о качестве или образе действий соперничающих изданий, примером чего может служить полемика между «Трутнем» и «Всякой всячиной», которая затрагивала не только вопросы крепостного права и границ сатиры, но также права и обязанности журналиста по отношению к читателю и своим героям, цели деятельности литературного работника. Весьма острыми были замечания, которыми обменялись Карамзин и Крылов в 1792 г. Обзоры периодической печати уже с первой четверти XIX века были обязательным элементом серьезного издания, наряду с обзорами литературных произведений. Начавшись с журнальных обзоров «Московского телеграфа» и «Телескопа», они получили развитие в блистательных «Журнальных заметках» Белинского в «Отечественных записках», затем продолжились в некрасовском «Современнике», где нередко ста-

новились школой для начинающих публицистов, например, Чернышевского, Добролюбова. Редакции научились использовать этот отдел, чтобы заявить свою программу, дать решительный бой своим противникам, предоставить слово маститым литераторам или ученым, дабы объявить начало эпохи новых парадигм. Данную традицию продолжили обновленные Некрасовым «Отечественные записки», где журнальную критику в начале 1870-х гг. вел Салтыков-Щедрин, приправляя ее немалой дозой сатиры, а порой даже включая в свои сатирико-публицистические произведения (например, «Пестрые письма», «Письма провинциала из Петербурга» и др.). Русская журналистика XIX в. знает немало жестоких информационных войн, в которых наряду с идейными, философскими или политическими задачами решались вопросы жизнедеятельности периодических изданий, правил их редактирования, норм ведения полемики, обсуждения качества выпуска: начиная от сорта бумаги и заканчивая грамотностью и стилем речи, правил обращения с уже опубликованными материалами (борьба с плагиатом), авторские права, авторские гонорары и многое из того, что составляет основу журналистской профессии. На протяжении всего XIX века в этих дискуссиях, иногда напомиравших настоящие сражения, выковывались представления о нормах и законах социального функционирования журналистики, т. е. рождалась журналистская критика. Тенденция постоянных обзоров прессы продолжалась вплоть до октябрьской революции, после чего, хотя обсуждение газет и журналов, их программ, формально-содержательных признаков и продолжилось в советской прессе, в период 1920–1950-х гг. оно не было свободным и самостоятельным, а использовалось как инструмент агитационно-

пропагандистской деятельности по управлению массовым сознанием. После перестройки, когда начался новый этап развития журналистики, и ее система стала синхронизироваться с мировым опытом, пришло понятие о медиакритике. Данный термин принято связывать с современностью, рассматривая как элемент системы масс-медиа. Зачинателем подобного взгляда в отечественной науке стал А.П. Короченский, им же обозначены основные черты данного вида самосознания журналистики. В диссертации «Медиакритика в теории и практике журналистики» А. Короченский отмечал, что социально-ориентирующая и регулирующая роль критики проявляется в том, что она «способствует продуктивной селекции накопленных знаний и исторического опыта, их выборочной ретрансляции. Критика охватывает процессы социальной коммуникации, обеспечивающие распространение культуры в обществе, поскольку они также нуждаются в критической проверке на эффективность, адекватность общественным потребностям» [1]. Развивая эти положения, А.П. Короченский пишет: «Современная медиакритика охватывает не только аспекты функционирования печатной и электронной прессы, связанные с журналистикой, с деятельностью журналистских коллективов и редакционной политикой, но вторгается в широкий круг проблем, постановка которых предполагает изучение и оценку медийного контента, взаимоотношений средств массовой информации и их аудитории, СМИ и общества в целом» [1]. Полностью соглашаясь с этим определением, хотелось бы заметить, что, на наш взгляд, оно может быть распространено и на критику предшествующего периода, для которой не было выработано единое обозначение: ее называли журнальной критикой (а газеты?), журналистской критикой (но в ней участвовали не только журналисты, но и ученые, писатели, государственные деятели). Таким образом, если понятие «медиа» трактовать широко, отталкиваясь, прежде всего, от функций информации и коммуникации, присущих системе, то совершенно не важным будет количество элементов, составляющих систему. Таким образом, можно считать, что журналистика осуществляет посреднические функции и тогда, когда ее система состояла из газет и журналов, и сейчас, когда ее система пополнилась за счет электронных СМИ. Таким образом, мы расширяем понятие о медиакритике, отмечаем ее укорененность в систему отечественной журналистики, когда были выработаны принципы ведения дискуссии, выдвинуты герои и антигерои, обозначены главные темы обсуждения, содействовавшие процессам социальной коммуникации и росту гражданской зрелости российской общественности. Данная традиция была прервана октябрьской революцией и последовавшим за ней авторитарным режимом, лишившим общество и деятелей культуры продуктивного диалога, выхолотившим эвристическую природу критики, подменившим ее администрированием в сфере духовного и интеллектуального творчества. Новая критика возродилась в постперестроечный период, обращаясь сразу к двум источникам: практике современных западных масс-медиа, нарабатывавших большой арсенал приемов и методов, адекватных новым медиа, и традициям русской литературной журнальной критики, память о которой, хотя и в редуцированном объеме, сохраня-

лась, благодаря тому авторитету, который обрела русская культура.

Мы хотим привлечь внимание к одному малоизученному эпизоду журналистики XIX в., на примере которого видно, насколько органично вошла медиакритика в повседневную практику газетно-журнальной жизни, насколько мощным и одновременно тонким инструментом воздействия на общественное мнение она была тогда.

Газета-журнал «Гражданин» начала свою жизнь в период, когда русское общество 1870-х гг. пребывало в эйфории от идеалов либерализма. Заявляя себя как издание принципиально противоположной ориентации, «Гражданин» был изначально ориентирован на полемику, на отпор. Это проявлялось в редакционных выступлениях издателя Мещерского, в передовых статьях Достоевского – редактора и публициста, в подборке политических новостей о внутренней и внешней жизни России, но особенно это проявлялось в обзорах прессы, которые «Гражданин» предлагал своим читателям: и союзникам, и оппонентам. В программу журнала-газеты «Гражданин» входил литературно-критический отдел как обязательный, помимо собственно литературной критики, здесь регулярно печатались обзоры современной прессы.

«Гражданин» начал выходить с 1872 г., его владельцем и учредителем был кн. В.П. Мещерский, который, однако, не мог исполнять обязанности редактора журнала, т.к. находился на государственной службе, поэтому на первый год издания он пригласил редактором либерального по взглядам литератора и юриста А. Градовского. Этот союз был обречен изначально – настолько не сходились взгляды двух ведущих фигур издания. На второй год издания редактором стал Ф.М. Достоевский, по сути дела именно под его руководством журнал-газета «Гражданин» обрел свое лицо, в том числе открывающую номер рубрику «дневник», в которой задавалась ведущая тема и настрой выпуска. Дневник оказался настолько удобен как публицистический жанр, что позднее Достоевский превратил его в самостоятельное издание – «Дневник писателя». Отношения Достоевского и Мещерского не являются в данный момент основным предметом нашего внимания: о них писали ученые-литературоведы В. Викторovich [2] и И. Зохран [3], хотя и немного. Нам же в большей степени будет интересовать третий год жизни «Гражданина», когда весной 1874 года Ф.М. Достоевский попросил освободить его от обязанностей редактора в связи с болезнью. Мещерскому не удалось найти равную по таланту и значению фигуру, поэтому редактором сначала временно, а осенью уже на постоянной основе был назначен В.Ф. Пуцкович, бывший ранее секретарем издания. Сообщая в 16 номере газеты о том, что Достоевский из-за болезни отходит от редактирования газеты-журнала, редакция заверяла, что писатель «не отрешается от участия в нем», а также, что направление журнала ни в чем не изменится» [3]. Мещерский получил, с одной стороны, удобную кандидатуру, имевшую опыт работы именно в «Гражданине», прошедшую курс обучения при двух прежних редакторах, в то же время зависимую от издателя и владельца, не обладающую ярким и самостоятельным талантом, что не предполагало редакционных конфликтов. Но, с другой стороны,

Мещерскому теперь пришлось, во-первых, взять на себя большую долю публицистической работы по газете, во-вторых, обеспечить преемственность с изданием, первым лицом которого ранее был гений, т. е. обеспечить уровень издания в 1874 г., не ниже чем в 1873-м, но уже без Достоевского.

Мещерского все более затягивала журналистская работа, и одним из ее видов стала медиакритика, которая сосредоточилась в его руках. «Гражданин» изначально вызвал бурю в журналистском сообществе. Первой причиной стало консервативное направление, заявленное как кредо издания. Второй причиной стала личность Мещерского, который хотя и нерегулярно до сей поры, но проявлял себя в журналистике отдельными выступлениями в изданиях не демократической ориентации, а за пять лет до «Гражданина» выпустил анонимно драматическое сочинение, по сути своей представлявшее резкую до неприличия критику на видных демократических литераторов. Под завуалированными обликами героев драматических сцен угадывалось карикатурное изображение Краевского и Некрасова, а название обличаемого произведения «Русские летописи» имеет близкую смысловую параллель с обновленным журналом русской радикальной демократии – «Отечественные записки». Обращает внимание время написания этого сатирического произведения – 1869 год, т. е. практически сразу после знаменитого договора между Краевским и Некрасовым, в соответствии с которым последний получал полную власть над содержанием журнала. Pamфлет Мещерского, в некоторых местах скатывающийся до пасквиля, назывался «Десять лет из жизни редактора журнала» и имел подзаголовок «Рассказ в диалогах: в 4-х эпохах и 5-ти частях». Таким образом, можно сделать вывод, что начало сатирического повествования Мещерского приходится на предреформенный период, время всеобщего демократического подъема. Драматический рассказ начинается с описания волнений общества в момент знаменитых пожаров в Петербурге и заканчивается повествованием временем, близким к концу эпохи 1860-х гг. В центре сатирического обличения находятся методы современной журналистики, прежде всего, демократической или обличительной, которые, по мнению автора, не имеют ничего общего с правдой и беспристрастностью как качествами настоящей журналистики. Автор в преамбуле к пьесе предлагает читателю поразмышлять: «какие же нравственные начала приняты в основание деятельности нашего *гражданина-журналиста*». Последнее акцентированное высказывание свидетельствует о намеренной полемической отсылке к стихотворению Некрасова «Поэт и гражданин». Этот эпизод бросает свет и на природу названия, которое через два года, в 1871 г. Мещерский выберет для своего издания – «Гражданин».

В преамбуле к драматическому рассказу автор перечисляет неприемлемые для него методы современной журналистики: «закидывание грязью под предлогом обличения, оскорбления без разбора всех и всякого, кого оскорблять не опасно, например, нравственность, веру и т. п., воздавая свое только самому себе».

Свою цель он формулирует следующим образом: «В простом и незамысловатом рассказе показать, как некоторые из господ редакторов и журналистов на Руси умеют морочить читающую публику, и чествуя себя

царями русской мысли и даже руководителями общественного мнения на грамотной Руси, вторгаются в область невежества не как свет во мраке, но как тати, осторожно и искусно, чтобы, пользуясь мраком и своей ловкостью, тысячу умов сперва обольщать и воспалять, а потом делать жертвами и учениками своего мнимого просвещения, близкого к недобросовестности» [4].

Таким образом, Мещерский впервые вступил на поле медиакритики, применив сомнительный жанр памфлета, переходящего временами в пасквиль, потому что затрагивалась не просто журналистская деятельность оппонентов, но также их частная, даже интимная жизнь. Во-вторых, он не заявил принципов, которыми руководствовался в своей критике, и в результате из его первого опыта получился акт некрасивой и неблагородной перебранки, в которой автор предстал в образе злонамеренного задиры.

Спустя время Мещерский раскаялся в данной публикации, не изменив, однако, отношения к ее героям. Он признавал, что неверно выбрал время выступления и его форму. Но его репутация «литературного брете-ра» в журнальных кругах уже сложилась. Выход «Гражданина» и роль в нем Мещерского почти сразу настроили пореформенную печать против нового издания и его владельца, о чем писал Мещерский в сборнике своих публицистических статей «Речи консерватора» через пять лет после начала издания «Гражданина»: «Все оскорбления и ругательства, все обвинения в преступлениях (и каких еще!), которых в течение 4-х лет удостоила меня либеральная печать за то только, что я писал статьи в «Гражданине», дали именно мне право считать себя обязанным объяснить обществу кое-что из своего образа мыслей, т. к. в течение 4-х лет я был для общества тем разбойником пера и мошенником печати, которым газеты чересчур много занимали общество» [5, с. 4, 5]. Зрелище современного нравственного падения привело Мещерского к мысли: «если любишь Россию и умеешь перо держать в руках, надо кричать, кричать и кричать во имя консервативных идей, ибо либеральная и ложно-либеральная печать овладела обществом, как кабак народом. Тогда родилась мысль об издании «Гражданина», который оказался не вполне бесцельным: он до известной степени объединил разномысленных консерваторов и известным дерзким мыслям дал право гражданства... Либералы говорили почти двадцать лет и царили почти самовластно. Теперь, когда вред стал очевиден, консерваторы имеют право просить слово и себе. Не все образованные люди в России попали под влияние лжелибералов, но они одиноки. Писать для них, чтобы постепенно из них создавать консервативное русское общество – вот цель» [5, с. 11]. Этот настрой обусловил острополемическую направленность издания, что сказалось на всем его содержании, в первую очередь на программных заявлениях, благодаря которым обозначились его место и роль в информационном пространстве 1870-х гг., а также и на разборе деятельности других изданий, посредством чего не только давалась оценка современному газетно-журнальному процессу, но и еще раз заявлялись основные идейные и политические принципы.

Обратимся к анализу выступлений «Гражданина» в 1874 г., когда редактором стал В.Ф. Пуцыкович, а значительную часть обязанностей ведущего публициста,

в том числе написание «дневника», статей от редакции, критических и полемических статей в адрес изданий-противников взял на себя Мещерский.

В ходе нашего анализа из всего перечня изданий, которые упоминал «Гражданин», мы выбрали только те, которые стали предметом либо развернутого анализа на страницах издания Мещерского, либо стали поводом к отповеди, критическому замечанию или полемической реплике.

Перечень газет, к которым обращался «Гражданин», велик: наряду со столичными газетами и журналами, встречаются и областные издания. Всего за 1874 год в 52 номерах «Гражданина» было опубликовано 29 произведений, которые можно рассматривать как признак зарождения медиакритики. Примерно в каждом втором номере затрагивалась современная журналистика и давалась оценка ее явлениям.

Из газет на первом месте по частоте упоминаний стоит «Голос», из журналов – «Отечественные записки», таким образом, становится ясным, что в центре критического внимания Мещерского находились либеральные и демократические издания, владельцем и издателем которых был А.А. Краевский.

Напряженная общественно-политическая жизнь преформенного периода давала немало поводов обращения к материалам современной прессы. Проведем классификацию причин, по которым «Гражданин» обращался к статьям других изданий.

Одним из распространенных поводов была цитация какого-либо издания для подтверждения или укрепления своей позиции: например, «Гражданин» пишет на большую для него и актуальную для общества тему народного просвещения, которая доминировала в журнале на протяжении всего 1874 г. Говоря о том, что сельские школы плохо обеспечены помещениями, отоплением, учебниками и, наконец, хорошими учителями, публицист «Гражданина» (№ 23) ссылается на публикацию в «Донских ведомостях», где описывается бедственное состояние народных сельских школ. Подобные примеры публицисты журнала-газеты готовы использовать даже из изданий противоположной направленности, например, «Голоса». Так в № 36 анализируется статья в «Голосе» о народном образовании, где описывается пример взаимодействия сословий по поддержке сельской школы: «В селе Боброво Лебедянского уезда Харьковской губернии помещица построила хороший дом для школы, учителем там работает священник, в результате «крестьяне охотно отпускают детей в школу», не боясь за их нравственное и физическое здоровье». В этом же номере «Гражданина» дается отсылка на статью из другой газеты, «Неделя», а описанный там случай халатного использования денег на школьные нужды интерпретируется как доказательство тезиса, постоянно подчеркиваемого консервативным изданием – нехватка денег тормозит на селе развитие школьного дела, а отсутствие настоящих талантливых и преданных делу педагогов. Причиной же последнего является неправильный выбор жизненных целей у значительной части студенческой молодежи, которая предпочитает революционные идеи и протестное движение реальному скромному делу распространения образования. Еще дважды журнал-газета ссылался на провинциальную печать как иллюстрацию к проводи-

мым им убеждениям: относительно членовредительства из-за нежелания идти в армию и насчет причин распространения пьянства в сельской России.

Однако гораздо чаще Мещерскому приходилось не защищать, а защищаться. Его издательская и литературно-журнальная деятельность постоянно находилась под прицельным огнем идейных противников, накал неприятия и неприязни лично к Мещерскому был очень высок. Большую роль в этом играло его происхождение. Среди демократической разночинской интеллигенции, составлявшей основу журнального цеха, он одиноко возвышался своим происхождением и титулом. Недаром во всех критических выступлениях его обязательно именовали князем, что сохранилось даже в советской литературоведческой традиции, где это выглядело совершенным реликтом, зато придавало дополнительный иронический окрас деятельности Мещерского как некоего анахронизма. Другой причиной было его повседневное вращение в придворной и великосветской среде. Мещерский не собирался вуалировать свое происхождение и образ жизни, не то, чтобы он этим бравировал, но и не собирался скрывать свой образ жизни, намереваясь сочетать несочетаемое. Его литературная и журналистская деятельность воспринимались в великосветской среде как нелепая эксцентричность, недаром «царственный демократ» Александр II пренебрежительно спросил: «В писаки собрался?» [7]. Но была своя сословная гордость и у плебеев-разночинцев, о чем его предупреждал нетитулованный Ф.И. Тютчев: «Вам не простят, что вы князь» [8]. Мещерский был психологически гибким человеком, у него отсутствовал сословный гонор, он довольно легко перемещался между разными социальными слоями, но для большинства современников в этом виделось нечто противоестественное. Дискомфорт пребывания князя в журналистике для остальной «пишущей братии» проявился в оценке романа Мещерского «Женщины большого света», который публиковался в «Гражданине» на протяжении 1874 г. Следует отметить, что роман пользовался большой популярностью на момент издания. 7 октября 1874 г. в «Гражданине» (№ 40) появилось открытое письмо под названием «Фельетонисту газеты «Русский мир»», подписанное полным именем: «Кн. В. Мещерский», что данный автор делал редко, обычно предпочитая обозначать свое авторство инициалами: В.М., В.П.М. и пр. Очевидно подпись в данном случае имела принципиальное значение.

Тексту предшествуют два эпитафия, один – из Тургенева: «Я глубоко уважаю литературу, вполне убежден, что свобода печати, правильно сознанная, может быть сильным началом просвещения, но не смешиваю этих великих начал со спекуляциями полуграмотных пройдох». Мещерский дал резкую отповедь фельетонисту «Русского мира», который обиделся за большой свет, сатирически изображенный в романе, оскорбился тем, что некоторые герои, носящие громкие фамилии, представлены в дурном свете, и предположил, что автор нарывался на скандал ради большей известности у публики. Стиль ответного открытого письма глубоко субъективный, экспрессивный, но при этом автор старается опираться не только на собственное суждение, например, он пишет: «В доказательство того, что мой стиль произвел впечатление обратного (т. е. «Русскому

миру») свойства, мне стоит только сослаться на множество отзывов о романе как в большом свете, так и в среднем, и в провинции. Одними восхищаются, других порицают, но не ищут за вымышленными образами реальных людей. О достоинствах и недостатках судить не мне. Но мне позволительно судить о том, пишу ли я пасквиль, какие мои были побуждения при сочинении этого романа, и почему я дал героям имена или существующие, или близко к ним подходящие...» (№ 40). Мещерский решительно отводит обвинение в том, что его задачей была компроматация известных персон, он доказывает, что в XIX веке не должно быть закрытых тем для обсуждения и искоренения недостатков: «Большой свет, в котором я родился и до сих пор живу, до сих пор был terra incognita в нашей литературе ... Искони веков роман нравов имеет назначением борьбу со злом в явлениях будничной жизни, и представь я героев большого света в виде ангелов, я бы отнял у романа интерес и характер правды...» (там же). Далее Мещерский все-таки проявляет некоторое сословное превосходство, мимоходом отмечая разницу между низкородными прислужниками большого света и его реальными персонажами, которые «понимают, что большой свет не может стоять один вне общественного интереса в целом свете, как в Китае...», и что автор не вышел из гостини только для того, чтобы ругаться над обществом, где остались его отец или брат». Таким образом, Мещерский защищает право литератора, в данном случае свое право, как автора особого жанра – газетного романа-фельетона – описывать те стороны жизни, которые скрывают в себе проблемы, актуальные для целого класса общества.

Помимо частных вопросов текущей журнальной практики, «Гражданин» уделял внимание характеристике программ некоторых изданий, анализировал их цели и деятельность. В качестве примера можно привести иронический анализ неуклюжей попытки «Церковно-общественного вестника» ввести в заблуждение потенциальных читателей и за этот счет расширить число подписчиков.

К журналам Мещерский применял другую тактику; он или Н.Н. Страхов готовили обзоры по довольно длительному периоду: за 4 или 6 месяцев. Обращает внимание, что все обзоры появились в осенних номерах, когда традиционно разгоралась борьба за подписчика. Безусловно положительной оценки из всех толстых литературно-общественных журналов удостоился только «Русский вестник», выходящий в Москве под редакцией М.Н. Каткова. В упомянутом издании публицист «Гражданин» (№ 37) отмечает серьезное научное значение статей, приводя в качестве примера исследование о торговле между Россией и Монголией, проведенное как в историческом, так и в проблемном аспектах. Высоко оценивался и отдел художественной литературы, из анализа последнего автор сделал далеко идущий вывод о высоком творческом потенциале консервативной доктрины, обладающей более позитивным стимулом творчества. Оценивая «Русский вестник» в качестве организатора литературно-журнального процесса, говоря об его умении привлечь ведущих писателей, независимых от господствующей либеральной моды, гордясь им как своим союзником, «Гражданин» восторженно пишет о настоящих литературных шедеврах, подаренных читате-

лю: «А с нашей стороны – «Война и мир», «Бесы» Достоевского, «Соборяне» и «Запечатленный ангел» Лескова! В «Русском вестнике» есть жизнь, веет силой и свежестью мысли, где чувствуется мир предков и предчувствуется мир потомков» (№ 37). Оценивая же литературные заслуги противоположного направления – «Вестника Европы» и «Отечественных записок», критик «Гражданин» старается подчеркнуть их однообразие, обусловленное верностью идейной и эстетической доктрине, которая проявляется в темах и сюжетах, в подходе к действительности, в отсутствии ярких положительных героев и впечатлений. Например, о журнале Некрасова говорится: «Отечественные записки» заболели какою-то изнурительной лихорадкой, навевающей на читателя тяжкое ощущение скуки. Выходит книжка – берешься за статью, авось будет что-то новое и интересное, – скучно, берешься за другую – скучно... Может быть, эта скудость – признак того, что реализм оскудевает и ослабевает, а направление менее реальное начинает усиливаться?!» Насчет «Вестника Европы» критик иронизирует, что втиснутые в рамки догмы редактора М. Стасюлевича выдыхаются и Тургенев, и Гончаров с «Обрывом», «так что уж Данилевского приходится печатать!» (№ 37).

Нельзя сказать, что идейная предубежденность совсем затмевала глаза на достойные произведения в журналах противоположного направления, например, восторженный прием в «Гражданине» (№ 19) встретила статья о причинах голода в Самарской губернии, напечатанная в мартовском номере «Отечественных записок». Критик-консерватор отмечает, что в этой статье «каждая строчка есть мысль, каждая мысль опирается на факт. Статья не писана ни в канцелярии, ни в кабинете журналиста, а на изнуренной почве Самарской губернии». Тема голода в Поволжье широко обсуждалась в «Гражданине», а Мещерский даже был назначен особым комитетом при Литературном фонде, где собирались средства в помощь голодающим, а также была предпринята беспрецедентная акция по выпуску сборника «Складчина», для которого многие литераторы безвозмездно отдали свои произведения, а шесть петербургских типографий бесплатно напечатали. Полученные от продажи сборника средства были использованы на оказание помощи голодающим, о чем регулярно сообщал в своей газете Мещерский [9], поэтому критики «Гражданин» внимательно отслеживали отзывы о сборнике в прессе и, в свою очередь, благожелательно оценивали все публикации, посвященные этой теме.

Переходный 1874 г. консервативного издания оказался удачным, если судить по подписке, о чем с удовлетворением сообщил Мещерский в № 42. Он отнес эту заслугу к устойчивости и целенаправленности редакционной политики, реализуемой, в том числе и посредством разборов современной прессы.

Широкий спектр тем и изданий, обсуждаемых в «Гражданине», неминуемо должен предполагать разнообразие форм выражения журнальной позиции, которое проявляется, прежде всего, в разнообразии жанров. Вычленив тот или иной жанр в многоаспектной критической практике «Гражданин», мы исходим из характеристики жанров медиакритики, предложенной Р.П. Бакановым [10]. Данный автор выделяет шесть основных жанров: рецензия, обзор, творческий портрет, зарисовка, статья, реплика, к которым добавляет со ссылкой

на А.А. Тертычного [11] корреспонденцию и комментарий. Последний автор еще предлагает включить в данный перечень блиц-интервью, но этот жанр отсутствовал в исследуемый период.

Классификация всех критических выступлений «Гражданина», выполняющих цели и задачи, свойственные медиа-критике, показывает, что редакция была достаточно искусна в применении жанровой палитры и стремилась к ее разнообразию.

Обращает внимание, что зарисовок было не так много в газете в 1874 г. и все они помещены в первой трети года, когда редактором был Достоевский. Его художественный взгляд на мир виден даже в тех маленьких зарисовках, которые не подписаны его именем. Например: «Схваченный налету куриоз: Прохожу по одной улице, слышу: городской говорит дворнику: Смотри у меня, в Листок упрячу.

– Ладно, я в редакцию пойду, – разберемся.

Оказалось: как кто провинится – тому наперед выговор словесный, а кто вторично провинится, на того мы в «Петербургский Листок» подаем жалобу, и пропишут статейку: так и так, на такой-то улице, ну с дворника сейчас и взыщут» (№ 1). Характер газеты и ее аудитории четко обозначен в этой краткой зарисовке.

Далее обратим внимание на реплику как самый оперативный отклик на жизненные или литературные впечатления, который не предполагает развернутого анализа, зато мастерски выделяет красочную и многозначную деталь, раскрывающую самую суть явления. Приведенный ниже пример реплики посвящен проблеме объективности в журналистике: Мещерский пишет о том, как избирательно освещали петербургские газеты визит Александра II в Москву. В первопрестольный император посетил музей цесаревича Николая при катковском лицее (он был открыт в память об умершем цесаревиче Николае в 1868 г. на деньги и по инициативе М.Н. Каткова, а в 1872 г. стал государственным). По мнению Мещерского, этот факт должен был заинтересовать прессу, чтобы показать значение образования в глазах власти, а между тем газеты совершенно об этом умолчали. Далее обозначена самая суть критического замечания: «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» любят упрекать ненавистные им органы печати в бесцеремонном отношении к своим читателям. А как же назвать такое отношение к своим читателям. Странно, что и в «Правительственном вестнике» нет ни слова об этом событии» (№ 37). Очевиден полемический заряд данной реплики, потому что он обращен к устойчивой практике либеральных газет упрекать «Гражданин» в необъективности. В данной реплике Мещерский возвращает упрек в резкой форме, не скрывающей личных эмоций: обиды и раздражения критика.

Другая реплика прозвучала в ответ на статью в «Голосе» о вредности чтения сказок в детском возрасте. Реплика публициста и критика «Гражданина» Евгения Белова, преподавателя истории и географии средних учебных заведений, бывшего коллеги Н. Чернышевского по Саратовской гимназии, написана весьма ядовито, что видно из самого названия, содержащего алогизм: «Можно ли детям читать сказки», далее он профессионально оспаривает узко утилитарное мнение, что ребенку недоступна правда, если в произведении использован вымысел и фантастика, что ребенку нужны толь-

ко правдоподобные истории, приучающие к реалистичному взгляду на мир (№ 39).

Рецензия на отдельные публицистические произведения, опубликованные в прессе, нечасто встречается в «Гражданине», чаще здесь можно найти рецензии на литературные произведения, но не они нас сейчас интересуют. В № 19 анализируемого издания опубликована одобрительная рецензия на статью в «Отечественных записках» под названием «Действительные причины самарского голода». В рецензии отмечается хорошее знание автором жизненных реалий: положение крестьян, состояние земель (обеднение почвы из-за неграмотного использования ее), экономические факторы, например хищническое землепользование арендаторов, заинтересованных в скорейшем получении выгоды и не заботящихся о бережном обращении с арендованной на короткое время чужой землей), вскрыты недостатки земской системы управления, прочие существенные детали, свидетельствующие о доскональном знании положения дел в сельском хозяйстве. Эта рецензия – факт положительной оценки публикаций в изданиях А.А. Краевского, она свидетельствует о высокой степени заинтересованности Мещерского проблемами голодающего Поволжья, в помощь которому он уже начал проводить собственную организаторскую деятельность [9].

Еще две рецензии, вернее, это цикл Н.Н. Страхова, состоящий из двух рецензий, опубликованных в самом конце года в «Гражданине» (№ 48 и № 50), написанных по поводу статьи Л. Толстого «О народном образовании» («Отечественные Записки», сентябрь, 1874), также носят положительный характер. Нет ни одного замечания в адрес знаменитого писателя, который стал разрабатывать новые педагогические приемы в своей яснополянской народной школе. Критик, во-первых, отмечает, что статья Толстого заслуженно привлекла всеобщее внимание, потому что читатели почувствовали, что писатель «заговорил о деле, которое близко его душе и которому он посвятил много времени и сил». Н. Страхов отмечает, что Толстой первым ставит вопрос, от которого многие уходят, насколько современная педагогика готова учитывать жизненный опыт не только что взрослого крестьянина, но и крестьянских детей, которые прекрасно, чаще лучше учителей владеют русским языком и могут высказать свои соображения. Критик совершенно солидарен с писателем, что нельзя сознание детей из народа рассматривать как чистый лист, что незнание основ науки как систематизированного знания не отменяет других, и не только чисто практических знаний, усвоенных из народной культуры, мифологии, фольклора, с которыми современные педагоги не знают, что делать, а потому просто отбрасывают их. Отзыв о педагогических взглядах Л. Толстого перерастает в рецензии в критику современной педагогической системы, ограниченной и самодовольной. Таким образом, наши наблюдения показывают, что хотя «Гражданин» в 1874 г. и находился в конфронтации с «Отечественными записками», но в качестве объекта своих рецензий предпочитал выбирать статьи, которые были хорошо, дельно, справедливо написаны. Очевидно, Мещерский в тот момент не стремился обострять борьбу между изданиями, представляя одностороннюю деятельность журнала.

В центре статьи всегда должна стоять крупная общественно значимая проблема; при использовании этого

жанра для анализа современного состояния прессы автор должен акцентировать внимание читателя на законах профессиональной журналистской деятельности, о чем мы ранее уже говорили, или на системе духовных и эстетических ценностей, проповедуемых изданием, которая всегда имеет социальные последствия. Выше мы отмечали, что в реплике Е. Белова автор выступает в защиту эстетической и воспитательной пользы русских сказок, эта линия продолжена и в статье о господстве реализма в «Вестнике Европы» («Заметки досужего читателя», № 40). «Гражданин» выступает в защиту идеального направления в литературе, давно расцененного другими критиками как анахронизм. Разделение литературы на риторическую (идеальную) и сатирическую (критическую) было произведено В.Г. Белинским в 1840-е гг., но критик признавал исторические заслуги и возможные перспективы в будущем идеальной литературы. Формирование критического реализма было обусловлено как общемировыми эстетическими закономерностями, так и особенностями социокультурного развития России, где из-за отсутствия институтов общественного обсуждения социальных проблем литература и критика стали «трибуной для больной совести». Перекос литературы в исключительно критическую плоскость вызывал возражения в 1850-е гг. со стороны критиков, сторонников «чистого искусства» А. Дружинина, А. Григорьева, эту точку зрения разделял и Н. Страхов, ставший сотрудником «Гражданина». О том, что позиция Страхова была близка взглядам издателя, говорят многие материалы журнала-газеты, но мы остановимся на упомянутой статье, опубликованной без подписи, что придает ей характер редакционного коллективного мнения. Она посвящена оценке литературных достоинств публикаций «Вестника Европы». Критик отмечает общую эмоциональную атмосферу журнала как невеселую, содержание оценивает как «небогатое разнообразием», а отсутствие яркой индивидуальности издания передает выражением «тянет второй год «Вестник Европы»». Стремясь быть объективным, он как единственное достоинство отмечает аккуратный выход первого числа каждого месяца, что само по себе таит насмешку опытного журналиста, понимающего несопоставимость технических показателей с содержательными. Критик «Гражданина» отмечает как постоянную черту преданность «Вестника» реализму, но возражает против нападений журнала на другую ветвь литературы – идеальную. Особенно болезненным для Мещерского как внука Карамзина было принижение заслуг литератора в исторических исследованиях заместителя редактора «Вестника» А.Н. Пыпина, который печатал здесь поочередно «Общественное движение при Александре I», «Биографию Белинского» и др. Сторонник культурно-исторической школы, двоюродный брат и верный союзник Н.Г. Чернышевского, А.Н. Пыпин считал, что заслуги М.Н. Карамзина и как ученого, и как писателя преувеличены из-за слабого развития русской литературы до А.С. Пушкина. В оценке этой фигуры ученый расходился и с самим Белинским, отмечая у последнего «прекраснодушные настроения». Безусловно, Пыпин прикладывал к историческому прошлому мерки времени настоящего, но «развенчать» Карамзина было уже невозможно. «Гражданин» же обратил внимание на то, что реализм в трактовке «Вестника» становится творче-

ски бескрылым, если из литературы выхолащивать идеальный элемент. Таким образом, анализ статьи показывает, что спор о поэзии идеальной и реальной не был завершен, несмотря на очевидное торжество реализма.

Повышенная «боеготовность» «Гражданина» подтолкнула его к использованию других жанров, редко используемых с этой целью, для реализации функций медиакритики: манифеста, открытого письма и фельетона.

Манифест предполагает развернутое высказывание идей направления, которому служит орган прессы, нередко в нем присутствует и полемический заряд, направленный против идейных противников. Манифестарность как устойчивая примета свойственна для прессы начала XX в., а также последней трети XIX в. Мещерский использовал этот жанр для характеристики своего издания на фоне остальных, чтобы высветить наиболее актуальные проблемы современной журналистики. В № 42 «Гражданина» от 21.10.1874 г. помещена статья без подписи под названием «Кое-что о нашем издании: Беседа с читателем», которая посвящена трехлетию издания журнала-газеты. Тон, стиль, лексика, а также подпись «Старейший из сотрудников» – все это свидетельствует о принадлежности данного материала Мещерскому. Вспоминая журналистскую примету, что надо изданию продержаться три года, чтобы выплыть из штормового периода в светлое спокойное плавание, автор пишет: «Для нас эти три года имели в сто раз более страшное значение. За то, что мы вступили на это поприще, нас держала под выстрелами чуть не половина всех крупных орудий русской журналистики. Катали нас залпами, насколько хватало духа и брани». Военная лексика подчеркивает ожесточенность информационной борьбы.

Мещерский отмечает, что за десять пореформенных лет сформировалась газетно-либеральная публика без собственного взгляда на вещи, она категорически была не готова к тому, о чем и как писал «Гражданин», поэтому с подозрением отнеслась к новому изданию. Автор признается, что его искушали писать, как все, перейти в другой лагерь и заслужить «прощение» и либеральной публики, и либеральной журналистики, в результате – «набивать карман деньгами», но этот путь издание отвергло. Зато за три года «Гражданин» научился, «что ценить и что презирать, и этому опыту мы не изменим ни на четвертый, ни на пятый год издания». Программа издания соответствует главным постулатам консервативной идеологии: монархия, церковь, приоритет отечественной промышленности, сохранение национальной самобытности, сохранение традиций патриархальной семьи, постепенность реформ, развитие грамотности в народе на базе православия, интерес ко всему позитивному и благородному, что встречается в современной жизни, критика коррупции и всех форм нарушения гуманности и справедливости со стороны бюрократического аппарата, борьба с космополитизмом и низкопоклонничеством перед Западом, внедрением чуждых идеологических стереотипов, особенно революционных. Верность этим принципам на протяжении трех лет, по мнению редактора, привела к тому, что журнал не просто выжил, но увеличил число подписчиков, издание улучшилось по составу сотрудников, оно приобрело уважение, «даже среди врагов своих». Наконец, увеличение числа подписчиков из священнической

среды говорит, что задача стать коммуникационным каналом «между высшими слоями общества и духовенством постепенно начинает сбываться».

Жанр открытого письма предполагает обращение к личности, не просто известной, но значимой в социальном плане, обращение к важной общественной проблеме, затрагивающей интересы многих и касающейся перспектив развития страны. Таким письмом, помимо разобранного выше, стало обращение «Гражданина» к редактору газеты «Неделя» П. Гайдебурову в заключительном номере «Гражданина» за 1874 г. (от 31.12.1874). Этот литератор зарекомендовал себя как сторонник демократической идеологии (в публикациях с 1861 г.), трансформировавшейся к 1870 г. в народническую, он прошел большую школу в демократических изданиях, в частности, в журнале «Дело». «Неделя» была по всем параметрам антиподом «Гражданина», она ориентировалась на движение народничества, кроме того, на протяжении всего года там публиковались неприятные для «Гражданина» и нелестные для его издателя оценки. П. Гайдебуров в 1874 г. принял пост редактора, поэтому Мещерский, видя в нем и идейного противника, и конкурента, почел своим долгом заявить, насколько опасным для будущего России он считает направление, которого придерживалась «Неделя». Еще одной причиной появления данного письма стало учреждение в конце 1874 г. так называемого Валуевского комитета для исследования причин беспорядков в учебных заведениях, так как постепенно становилось ясно, что правительство не может сдерживать распространение революционной пропаганды, особенно широко распространявшейся в высших учебных заведениях, где создавались кружки, обсуждавшие темы, на которые указывала либеральная печать [см. подробнее: 7]. Призыв к социальной ответственности прессы Мещерского, узнавшего о начале работы комитета до обнародования его Постановления, имел целью предупредить государственные санкции и воззвать к дорогой его сердцу в тот момент идее общественного саморегулирования, что и стало поводом для открытого письма.

Фельетон в анализируемый период все более приобретал черты сатирического жанра, а не просто занимательного материала, расположенного в подвале газеты. Именно в этом качестве фельетон использовался в критическом анализе неблагоприятных поступков некоторых газетчиков в «Гражданине». Выше нами упоминалось высмеивание попытки переориентации редакцией московской газеты «Церковно-общественный вестник» в рекламных целях ее программы в пору подписки, чтобы заручиться вниманием той части общества (духовенства), которая ранее часто была объектом критики в данной либеральной газете. Поводом для другого фельетона стал пример непрофессионализма московской газеты «Современные известия». «Гражданин» обратил внимание на странное расточительство редакции: «Самое почетное у себя место, место для передовых или руководящих статей она отдает *внаем* всякому встречному писаке; если не раз приходилось читать на этом месте статьи, заслуживающие сочувствия, то не раз попадались на столбцах передовых статей писания, под которыми устыдился поставить авторское имя ученик 5 класса гимназии». Далее он переходит к анализу передовой статьи в № 234 «Современных известий»,

где идет речь о недостатках современной благотворительности. Прежде всего, Мещерский отмечает недостоиную журналиста авторскую позицию: предубежденность, нескрываемую недоброжелательность, переходящую в злобу, когда речь идет о благотворителях из высшего сословия. Недоброе чувство («рассудок, затемненный злобой и желчью») настолько захватило московского автора, что он распространил свое злопахательство на недавно умершего человека, И.И. Чижиова, «глубоко чтимого многими людьми». Мещерский склонен скорее к злой сатире, нежели невинному юмору в подобных случаях, так как по его мнению, «не только нарушается священный для печати всего образованного мира обычай чтить память умерших – за какое нарушение всякий уважающий себя орган обязан высказать редакции негодование, но и возводится на честное имя покойного клевета». Юмор Мещерского далек от изящества пушкинских фельетонов или остроты щедринских, он, скорее, тяготеет к риторике, дидактичности; ограничивая сатирическое начало немногими язвительными предположениями или деталями, затем он доводит рассказ до обличительного крещендо.

Анализ медиакритики в «Гражданине» показывает, что она имела к анализируемому периоду богатую традицию, набор инструментов, позволявших решать цели и задачи позиционирования издания и его защиту, устойчивые, принятые профессиональным сообществом основания, на которых строились критические замечания, богатый жанровый арсенал, что проявилось в критических выступлениях «Гражданина». С точки зрения характеристики атмосферы, в которой развивалась медиакритика, необходимо отметить высокую степень антагонизма в русском обществе пореформенного периода. В суждениях о других современных изданиях царит дух непримиримости. Жесткость оценок была присуща не только «Гражданину», журнальные противники платили ему той же монетой. Признавая неконструктивность полемики, которая не вела к взаимопониманию, к работе над собой, к поискам совместных решений, отнесем этот факт в вину не только журналистам, а всему обществу, расколотому в тот момент и настроенному на конфронтацию, а не на объединение, что драматически отзовется в ближайшем будущем России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Короченский А.П. Медиакритика в теории и практике журналистики : дис. ... док. филолог. наук. СПб., 2004. 190 с.
2. Викторovich В.А. Достоевский и В.П. Мещерский (к вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем) // Русская литература. 1988. № 1. С. 205–216.
3. Зохран И. Редакторская деятельность Ф.М. Достоевского в журнале «Гражданин» и религиозно-нравственный контекст «Братьев Карамазовых» (к истории создания романа) // Русская литература. 1996. № 3. С. 55–77.
4. От редакции // Гражданин. 1874. № 16.
5. Десять лет из жизни редактора журнала: Рассказ в диалогах, в 4-х эпохах и 5-ти частях. СПб., 1869. 64 с.
6. Речи консерватора. Соч. кн. Мещерского. В 2-х вып. СПб.: Тип. Оболенского, 1876. 172 с.

7. Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 862 с.
8. Тютчев. Письмо В.П. Мещерскому // Русская литература и фольклор. URL: feb-web.ru/feb/tyutchev/critics/ln1/ln1-523-.htm (дата обращения: 1.12.2012).
9. Щербакова Г.И. Благотворительность как способ преодоления идейно-политических разногласий (на примере выпуска литературного сборника в помощь голодающим Самарской губернии) // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты / Т.Н. Андreyshkina [и др.]. Тольятти, 2013. С. 116–126.
10. Щербакова Г.И. Сборник «Складчина» как гражданская акция // Журналистика в поисках моделей развития: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2011. С. 83–88.
11. Баканов Р.П. Масс-медиа глазами газет. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 256 с.
12. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика. М.: Аспект Пресс, 2010. 350 с.
- of «The Karamazovs brothers» (to the history of writing the novel). *Russkay literatura*, 1996, no. 3, pp. 55–77.
4. On behalf of editorial board. *Grajdantin*, 1874, no. 16.
5. *Desyat' let iz jizni redaktora jurnala: Rasskaz v dialogah, v 4h epokah i 5ti chastyah* [Ten years of the editor's life: a story in dialogues, in 4 epochs and 5 parts]. Sankt-Peterburg, 1869, pp. 21, 23.
6. *Rechi konservatora. Sochinenie kn. Mesherskogo. V 2h vipuskah* [The conservative's speeches. Essays by Meshersky. In 2 editions]. Sankt-Peterburg, 1876, 172 p.
7. Mesherskiy V.P. *Vospominaniya* [Reminiscences]. Moscow, Zaharov publ., 2003, pp. 419–424.
8. Tyutchev. Letter to V.P. Meshersky. *Russkaya literatura i folklor*. URL: feb-web.ru/feb/tyutchev/critics/ln1/ln1-523-.htm (дата обращения: 1.12.2012).
9. Sherbakova G.I. Charity as a way to overcome ideological and political difficulties (on the example of the issue of the literary collection as a help to the starving from Samara province). *Tolerantnost': sotsialno-gumanitarnie aspekti*. Tolyatti, 2013, pp. 116–126.
10. Sherbakova G.I. A collection «Clubbing» as a civil action. *Materiali IV Vserossiyskoy konferentsii «Jurnalistika v poiskah modeli razvitiya»*. Tomsk, 2011, pp. 83–88.
11. Bakanov R.P. *Mass-media glazami gazet* [Mass media through newspapers interpretation]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvenniy universitet publ., 2008, 256 p.
12. Tertichniy A.A. *Analiticheskaya jurnalistika* [Analytical journalism]. Moscow, Aspekt Press publ., 2010, 350 p.

REFERENCES

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF MEDIACRITICISM IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE MAGAZIN-NEWSPAPER «THE CITIZEN»)

© 2014

G.I. Shcherbakova, Doctor of Philology, Professor of «Journalism» Department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: post-reform society; ideological struggle; the press as a reflection of social differentiation; dialogization of communication; mediacriticism as a form of ideological struggle; genres of mediacriticism.

Annotation: The article shows how mediacriticism was used for positioning of the periodical that had just appeared in the information field; how it was used for evaluation of condition of modern journalism, for building relations with potential allies and barefaced antagonists. The article examines an important episode of the ideological and political struggle in journalism of the 1870s, which revealed a trend towards the concentration of groups of readers around certain media that foreshadowed the emergence of political parties. Journalistic criticism was the harbinger of mediacriticism that touched, in addition, upon a wide range of problems which worried Russian post-reform society: from moral to economic ones. The subject of analysis of this article is the speeches about the Russian press of publicists from the conservative magazine-newspaper «The Citizen» headed by V.P. Meshersky.

During the post-reform period there was polarization of the society by the ideological and political issues; social grouping took place as harbingers of future political parties; these groups started sharp struggle which reflected in journalistic discussions which were later analyzed in mediacriticism. The magazine-newspaper «The Citizen» expressed on its pages commitment to conservative ideology which main values were: government, religion, preservation of the national identity, preservation of the nobility's leading position, maintenance of patriarchal structure in a family, patriotic orientation of humanitarian education. The main antagonist of «The Citizen» was the liberal party's body – a newspaper of A.A. Kraevsky «The Voice», which was supported by a liberal-westernism faction in the government. Meshersky's tactics towards that newspaper was quite diplomatic: he did not want to start a direct animosity between the periodicals but he had to express disagreement to those statements of «The Voice» that, in his opinion, damaged stability in Russia. Thus, Meshersky balanced his remarks to the political newspaper «The Voice» with the compliments to the literary periodical «Patriotic notes» which was owned both by Kraevsky and N.A. Nekrasov; that explains the balance of power in public opinion.